

«БИТВА ДОКУМЕНТОВ» В СРЕДЕ ЦАРСКОЙ БЮРОКРАТИИ. 1899—1901

Понятие «битва документов» применяется обычно к публикациям архивных материалов, предпринятым в 20—30-х гг. нашего века в главных европейских буржуазных странах с целью доказать ответственность держав-противниц в первой мировой войне за ее развязывание.¹ Однако в иных формах и при других обстоятельствах документальные материалы служили «боевыми» средствами и в борьбе влияний на внутриполитической арене. Так, С. Ю. Витте, особенно после отставки с поста председателя Совета министров, постоянно прибегал для оправдания и восхваления своих действий и уязвления своих противников к ресурсам собственного архива. Он не только хранил в нем наиболее важные для себя документы, возникшие в ходе функционирования правительственных ведомств, и переписку, которой придавал наибольшее общественно-политическое значение в связи со своей государственной деятельностью, но и составлял сборники документов, заказывал, готовил сам и с помощью других лиц исторические справки и обзоры собранных документов, публиковал весь этот материал под различными именами, снабжал им своих литературных агентов и т. п. Все это он делал в ходе подготовки своих воспоминаний.²

Но еще задолго до этого, будучи всемогущим министром финансов, он являлся активным участником той «битвы документов», которой посвящена настоящая статья и которая состояла из нескольких, хотя и частных, но весьма характерных, эпизодов в борьбе влияний в «верхах» царской бюрократии. Вопрос о передаче широкой гласности материалов, связанных с этими эпизодами, тогда не вставал, составлявшиеся своеобразные сборники документов предназначались для нескольких сановников и в конечном счете для самого царя, но приемы использования документов в качестве орудия в борьбе за влияние были те же, что в широком масштабе применял Витте впоследствии. Они употреблялись для шантажа или компрометации политических противников. «Отрицательные герои» документов и иным образом заинтересованные лица иногда устраивали их похищение или реквизицию.

¹ См. обстоятельное источниковедческое и историографическое исследование этого вопроса в кн.: *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962, с. 17 и след.

² *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте: (В связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963, с. 298—374.

Царь и сам был не чужд этого, в частности тогда, когда оказывался задет их содержанием.³ Это в особенности относилось к политическим дневникам и мемуарам высокопоставленных государственных деятелей, осведомленность которых причиняла ему беспокойство. Здесь следует указать не только на безуспешную охоту царя за рукописями мемуаров Витте.⁴ В этих мемуарах есть сведения о судьбе дневников А. Н. Куропаткина и Д. С. Сипягина. Царь, попросив у Куропаткина дневник, передал его премьере на посту военного министра В. В. Сахарову тетрадь, содержащую издевательства о нем отзыв. Что касается дневников Д. С. Сипягина, то царь уничтожил после его смерти одну из их частей, заявив, что это сделал генерал-адъютант П. П. Гессе.⁵

Надо полагать, что именно судьба сипягинского дневника заставила кн. П. Д. Святополк-Мирского, едва он занял пост министра внутренних дел, прибегнуть к еще более основательной конспирации, чем та, которую применил впоследствии по отношению к своим мемуарам Витте. Тот завещал рукописи жене, поручив их ее заботам. А Святополк в сущности вел свой дневник в форме дневника жены, начатого с момента назначения на министерский пост и лишь после увольнения потерявшего характер регулярных (а в острые политические моменты — ежедневных) записей, производившихся со слов министра.⁶

Отметим, что документы как средство сокрушения противников в борьбе за влияние и власть вовсе не обладали чудодейственными свойствами. Дело было не столько в приводившихся в этой борьбе аргументах, сколько в реальной силе ее участников. И чаще всего карьера самых отрицательных персонажей документальных повествований очень мало страдала от того, какими представляли они на их страницах. Так узок был круг читателей этих повествований, и так трудно вообще было их в чем-нибудь

³ В октябре 1905—начале 1906 г. Витте на посту председателя Совета министров, соперничая с Николаем II в жестокости карательных распоряжений, одновременно собрал у себя коллекцию наиболее беспощадных царских приказов. Однако царь ловко обошел уходившего в отставку премьера, пытавшегося отвлечь его внимание в другую сторону. Во время последнего свидания Витте посоветовал Николаю при предстоявшей отставке министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа изъять у него бумаги, среди которых находились документы, касавшиеся русско-германского договора, подписание которого Николаем в Бьорке было актом самодержавного произвола. Однако бумаги Ламздорфа были изъяты лишь после его смерти. Зато у Витте царь тут же потребовал («я бы вас очень попросил») вернуть записки, которые ему адресовал. Вслед за тем с напоминанием явился к Витте министр двора В. Б. Фредерикс, и Витте вернул бумаги, «о чем потом очень сожалел», так как «там потомство прочло бы некоторые рисующие характер государя мысли и суждения» (*Витте С. Ю. Воспоминания*. М., 1960, т. 3, с. 349—350).

⁴ См. в настоящем томе статью Б. М. Витенберга «К истории личного архива С. Ю. Витте».

⁵ *Витте С. Ю.* Указ. соч., т. 2, с. 158, 204. — Витте называл дневники и мемуары.

⁶ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской. — Ист. зап., 1965, т. 77, с. 240—293.

убедить. Главному же из них — самому царю при его начитанности и наслышанности в делах такого рода было доподлинно известно, как легко поменять местами составителей представлявшихся ему сборщиков документов или авторов попадавших в его руки дневников и мемуаров с теми, против кого они были направлены.

24 января 1905 г. товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново представил царю ряд документов, найденных в бумагах убитого за полтора года до того министра внутренних дел В. К. Плеве и относившихся к деятельности одного из столпов политического сыска П. И. Рачковского. А. С. Суворин записал в своем дневнике, что в бумагах Плеве найдена была целая груда перехваченных писем «выдающихся администраторов», которыми Плеве «занимал императора» и которые хранил с его пометами.⁷ Царская резолюция была и на датированной 13 июля 1903 г. записке о Рачковском, предварявшей пять его писем.⁸ Документы эти, остававшиеся при Святополк-Мирском, по-видимому, вместе с другими бумагами Плеве, которые имел в виду Суворин, под спудом, едва Мирский был уволен, еще до того как преемником А. Г. Булыгина пришел в министерство, были извлечены Дурново из архива с помощью директора Департамента полиции А. А. Лопухина и вновь попали к царю в те самые дни, когда высшие сановники, непосредственное окружение царя и он сам были поглощены решением срочных и настоятельных задач, возникших перед самодержавием вследствие возмущения в стране и за рубежом «Кровавым воскресеньем». Причина этого заключалась в том, что Д. Ф. Трепов, назначенный после 9 января петербургским генерал-губернатором с диктаторскими полномочиями, решил привлечь Рачковского к руководству политической полицией, а Дурново и Лопухин пытались ему помешать.

Документы эти, собранные, по-видимому, в свое время Лопухиным, относились к 1897—1899 гг., когда министром внутренних дел был И. Л. Горемыкин.

Открывавшая своеобразный документальный сборник записка, о которой уже было упомянуто, принадлежала перу самого Плеве. Она содержала биографический очерк и характеристику служеб-

⁷ Дневник А. С. Суворина. М.; Пг., 1923, с. 314. — С. Р. Минцлов после назначения П. Н. Дурново министром внутренних дел в кабинете Витте объяснил это в своем дневнике 23 октября 1905 г. тем, что Дурново после убийства Плеве опечатал в качестве товарища министра его домашний кабинет, якобы убрав при этом «дело Витте со всеми документами». Документы эти, свидетельствовавшие о связях Витте с революционерами, были принаслены Плеве, причем чуть ли не это-то и стоило ему жизни (Минцлов С. Р. Петербург в 1903—1910 годах. Рига, 1931, с. 183—184). Сам Витте утверждал, что инспирированный агентурой Плеве документ такого рода П. Н. Дурново обнаружил в портфеле, с которым Плеве ехал к царю в день, когда был убит (Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 221).

⁸ Карьера П. И. Рачковского: Документы. — Былое, 1918, февраль, № 2 (30), с. 78—87.

ной деятельности Рачковского, ведавшего парижской агентурой Департамента полиции в 1884—1902 гг. Очерк начинался обычной для многих агентских карьер, но в данном случае не очень, кажется, правдоподобной историей о том, как младший сортировщик Киевской почтовой конторы, затем сменивший множество должностей в разных местах страны, сотрудничавший в различных газетах, арестованный в 1879 г. по обвинению в революционной деятельности, «выразил готовность оказывать государственной полиции агентурные услуги».⁹ При содействии знаменитого разоблачителя полицейской агентуры Н. В. Клеточникова, служившего с этой целью в Третьем отделении, революционными кругам удалось установить истинную роль Рачковского, и он вынужден был около двух лет скрываться в Галиции. Но затем в 1881 г. он принимает участие в деятельности «Святой дружины» — добровольной организации для борьбы с революцией и после ликвидации дружины возвращается в Министерство внутренних дел уже не агентом, а чиновником, вскоре оказавшимся заведующим заграничной агентурой.

Здесь, как и в дальнейшем, записка нуждается в известных дополнениях. Прежде всего следует упомянуть о «длинном письме» Рачковского, которое известно по сообщению Клеточникова, но, как отметил С. Н. Валк, не было обнаружено в архиве.¹⁰ В нем Рачковский сопровождал предложение услуг полиции изложением своей биографии, в частности рассказом о своих интимных похождениях с чисто практической целью убедить Третье отделение в том, что тогдашняя его сожительница «вполне предана ему и может служить немалым подспорьем в сближении с социалистами».¹¹ В записке не упоминались ни роль Рачковского в пресловутом деле Судейкина-Дегаева, ни завербованное ставшего одним из крупнейших провокаторов А. Гекельмана (он же Ландезен и Гартинг), ни проведенные заведующим заграничной агентурой разбойничьи налеты на женевскую типографию «Народной воли», ни его литературно-полицейская деятельность.¹² Не довольствуясь изданием контрреволюционных брошюр и печатанием такого же рода статей во французской печати, он прибегал к литературной провокации, фабрикуя якобы революционные тексты и издавая их.¹³ Услуги Рачковского вознаграждались

⁹ Там же, с. 78.

¹⁰ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 22.

¹¹ Там же, с. 203.

¹² Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918, с. 34—40; Святиков С. Г. Русский политический сыск за границей. Ростов н/Д. 1918, с. 10.

¹³ В 1892 г. он сфабриковал от имени Г. В. Плеханова воззвание «Вынужденное заявление», в котором Плеханов якобы отмежевывался от революционной эмиграции (Валк С. Н. Г. В. Плеханов и «шпионские забавы». — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1924, т. 5, с. 263—265). Пристрастие к литературной провокации было у Рачковского изначальным. Установив в 1879 г. связь с землевольцами, он предложил им взять при его содействии в свои руки влиятельную жалкое существование газету, в которой он сотрудничал, и превратить ее в легальный орган партии. «Такой орган необходим для партии. — настаивал он, — и представил бы для нее массу практических

с большой щедростью. В течение восьми лет парижской службы он получал до 12 тыс. руб. в год жалованья и значительные суммы на секретные расходы, в последние годы его пребывания в Париже на эти расходы отпускалось около 90 тыс. руб. в год.¹⁴

Именно в эти годы, указывалось в записке, «Рачковский стал весьма небрежно относиться к своим обязанностям по Департаменту полиции», а поступавшие от него «сведения стали отличаться крайней скудостью». Объяснялось это тем, что «Рачковскому посчастливилось сыграть известную роль в деле сближения России с Францией, и он «под влиянием успеха в этом... стал злоупотреблять своей близостью к лицам, стоявшим во главе французского правительства, и позволять себе вмешательство в дела международной политики».¹⁵

Ему вменялась в вину организованная с 1902 г. при участии «недостойных авантюристов» пропагандистская кампания в парижской печати, в которой он связал с «ничем не ограниченной уличной рекламой» царское «священное имя». В результате этого появился «в заграничной прессе целый ряд оскорбительных для русского правительства статей и заметок, а вместе с тем самая мысль о необходимости борьбы с русским подпольным движением таким исключительным способом, какой изобрел Рачковский, дала повод к тому, чтобы в общественном мнении за границей создалось представление о том, что Россия находится накануне ре-

удобств. Весь литературный материал, напр. корреспонденции, статьи из-за границы и из провинции, мог бы быть адресован в редакцию легального органа и здесь сортироваться. Все подходящее к цензурным условиям данного времени печаталось бы в легальном издании, остальное — в „Земле и Воле“» (*Бух Н. К.* Воспоминания. М., 1928, с. 192). Нечего и говорить, что «массу практических удобств» Рачковский хотел создать для своей агентурной и провокаторской деятельности.

¹⁴ О том, как тратились эти деньги, дает представление такой эпизод. Марсельская аферистка Ш. Бюлье предложила Департаменту полиции в 1892 г. устроить насильственное возвращение пресловутого В. Л. Бурцева в Россию, пообещав обольстить его. Рачковский запросил на это 4 тыс. франков, и Бурцев, побывав за счет департамента с французенкой в ряде европейских столиц, при всей своей подозрительности дал заманить себя на яхту, которая, однако, не могла совершить переход в Россию. Директор департамента ген. Н. И. Петров отдал было распоряжение отправить за Бурцевым миноносец, но его от этого, разумеется, отговорили. Бурцева пришлось отпустить без огласки, которой он боялся, конечно же, не меньше, чем Рачковский. В представленном Рачковским отчете значились переданные французенке 4100 франков, а она признавала получение всего 3 тыс. (*Гоголь Д.* Шарлотта Бюлье. — В кн.: На волю: Падение самодержавия. Освобождение из царских тюрем и каторги. Л., 1927, с. 209 и след.).

¹⁵ По указанию Рачковского в Париже Гекельманом была создана с провокационными целями мастерская по производству бомб, что привело к арестам и высылкам русских революционных эмигрантов французскими властями и другим формам сотрудничества этих властей с русской полицией накануне заключения русско-французского союза (*Агафонов В. К.* Указ. соч., с. 51).

полюции и что государственному ее строю грозит серьезная опасность».¹⁶

Рачковский действительно не только в Париже, но и в Петербурге имел обыкновение пугать «нигилистами» и «террористами», и себя подавать как спасителя от них.¹⁷ Но на сей раз пропагандистскую кампанию в Париже он развернул, судя по некоторым сведениям, на предоставленные для этого дворцовым комендантом ген. П. П. Гессе 150 тыс. руб. «Исключительный способ» борьбы с революционным движением, который без труда придумал и, как писали впоследствии в газетах, «по-хлестаковски, артистически» применил Рачковский, заключался в том, что в Париже была создана «Лига спасения России» по образцу «Святой дружины». Влиятельные французские круги оказали ему поддержку. Плеве, преодолевая сопротивление Гессе, с трудом добился ликвидации очередной аферы Рачковского, и это недешево обошлось казне.¹⁸

Вообще Рачковский был активной фигурой в столкновениях влиятельный в верхах, в междуведомственной борьбе, в схватках внутри полицейского ведомства. Его поддерживали Горемыкин и Гессе. Противником же его еще с судейкиных времен был ревниво отнесшийся к возвышению Судейкина Плеве. Не ограничиваясь сферой высокой политики и полицейской практики, Рачковский вмешивался и в интриги внутри царской фамилии. Еще в начале своей деятельности в Париже он рассердил Александра III доносом на живших там единокровных братьев и сестер царя — детей княгини Юрьевской, жены Александра II, и на нее саму. К отставке Рачковского в конце 1902 г. привело его письмо вдовствовавшей императрице Марии Федоровне о том, что приближенный царской четой французский спирит пресловутый Филипп — орудие масонов. Получив от матери выговор, царь пожаловался на «подлеца Рачковского» Плеве, было назначено следствие для «выяснения его проделок». Однако Гессе и другие пришли на помощь, и следствие было прекращено.¹⁹

К сведениям Департамента полиции, основанным на материалах его делопроизводства, в записке были добавлены собственные данные министра внутренних дел, «по внутреннему их достоинству находящиеся на рубеже области достоверного и фактов, требующих еще исследования». Эти нарочито охарактеризованные Плеве данные были заключены в четырех пунктах. Первый из них посвящен обычным в этой сфере обвинениям в пособничестве агентов Рачковского и даже его самого революционной деятель-

¹⁶ Карьера П. И. Рачковского. . ., с. 80.

¹⁷ См.: Три последних самодержца: Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924, с. 209, 247.

¹⁸ Русское слово, 1913, 12 ноября; Вечернее время, 1913, 6 ноября.

¹⁹ Агафонова В. К. Указ. соч., с. 41—42, 52—53. — По словам Витте, Рачковского хотели уволить еще при Д. С. Сипягине, но тот защитил его (Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 273).

ности. Дальнейшие же пункты гласили: «2) Сведения об услугах, оказанных Рачковским, без ведома своего начальства министру финансов по делу о краже у известного Циона документов, относящихся к финансовым делам. 3) Участие Рачковского в устройстве из-за личной выгоды разных иностранных коммерческих предприятий в России. 4) Продолжающиеся и после отставки Рачковского сношения его с французскою полициею, через которую он имел возможность сводить личные счета с неприятными ему людьми».

Царь обратил внимание лишь на последний пункт. Он приказал принять «серьезные меры к прекращению сношений Рачковского с французскою полициею раз навсегда», как бы демонстрируя, что опасается собственной принадлежности к неугодным Рачковскому лицам.

Ни первый, ни второй, ни третий пункты Плеве, данные которых, выражаясь языком записки, «по внутреннему их достоинству» ясно показывали близкое соседство царского политического сыска с уголовной еще и в коммерческо-предпринимательской области, не привлекли внимания Николая II. Между тем в явном противоречии с нарочитой оговоркой о недостаточной достоверности сведений записки в заключительной ее фразе было сказано, что к ней «прилагаются пять писем Рачковского, указывающих на правдоподобность сведений, изложенных в пунктах 2 и 3».

Письма эти были адресованы «дорогому баламуту» М. М. Ляшенко, «любезному сердцу и очам» партнеру и сообщнику Рачковского как по сыскной части, собственно по исполнению полуприватных поручений министров за границей, так и по части нескончаемых афер и мошеннических проделок в области предпринимательства, осуществлявшихся с помощью близости к высоким особам.²⁰

Сохранившаяся переписка Ляшенко, в значительной части хронологически предшествовавшая включенным в «сборник» Плеве письмам Рачковского, характеризует Ляшенко как активного участника предпринимательского грюндерства с конца 1895 г. В декабре 1895 г. и феврале следующего года он по поручению С. И. Мамонтова вел переговоры об учреждении предполагавшегося Мамоновым акционерного общества Сибирских металлургических заводов, хлопотал о передаче ему Николаевского завода в Нижнеудинском округе Иркутской губ., об образовании акционерного общества для эксплуатации завода и выполнения правительственных заказов, причем Мамонов через

²⁰ У него было даже литературное имя не только редактора-издателя ревельской газеты «Колывань» в 1891—1892 гг., но и автора романа из помещичьей жизни 50-х гг., проникнутого духом апологии крестьянской реформы, которая была-де одинаковой радостью и для крестьян, и для помещиков, и содержащего выпады против герценовского «Колокола» (Ляшенко М. М. (Правдин М. М.) На заре новой жизни. Ревель, 1892. 436 с.). Примечательно, что в заключительных словах романа герой его энергично призывал к продолжению преобразовательной деятельности.

посредство Ляшенко вознаграждал «лиц, содействовавших осуществлению сего предприятия». Представление о передаче завода Мамонтову на его условиях министры путей сообщения и финансов должны были внести на утверждение Комитета министров.²¹ Он выступал одним из учредителей Общества металлургических донецких заводов, хлопотал по поручению Ю. П. Гужона в Петербурге о заказах локомотивов за границей, в Париже — о промышленном банке.²² На протяжении 1896 г. и в начале 1897 г. он занимался организацией общества «Электрон», Восточносибирских заводов, синдиката «Ермак» с участием английской фирмы «The Investors and contract agency, Ltd», какими-то делами по Кузнецкому угольному бассейну, электротехническими делами бельгийского общества «Société Anonyme Russo-Belge l'Enterprise Electrique» в Петербурге, Казани, Ковно. Участвуя в таких делах, как проекты эксплуатации Днепра, расчистки дна Николаевского порта, работ на Волге, строительства электростанции на Иматре (Вуокское электрическое общество в Петербурге с участием французского капитала), Ляшенко не брезговал и поручением добиться за мзду в Отделе по казенной продаже питей заказа на поставку бутылок.²³ При всем том, как видно из писем к Ляшенко одного из его партнеров-сообщников «Микадо» (употребление кличек в этом кругу было общепринятым), они были тесно связаны с представителями властей: от Витте — полагаем, что слова «наш великий поручитель всех возможных задач» относятся именно к нему — до московского обер-полицмейстера «нашего» Власовского, уволенного после Ходынки, в пользу которого «Микадо» и другие собирались открыть кампанию, а пока использовали лучшего из его сыщиков для слежки за своими деловыми контрагентами.²⁴

С одной стороны, с Ляшенко взыскивали его долги по исполнительным листам через судебного пристава, а с другой — датчанин Ю. Гаппен, заграничный агент Витте и Департамента полиции, направлял Ляшенко политические донесения в Петербург со ссылками на «друга Пьера» (очевидно, Рачковского), который, приезжая в Петербург, давал Ляшенко устные пояснения.²⁵

В свете уничижительно небрежного отзыва о Ляшенко в мемуарах Витте²⁶ трудно себе представить, что именно он был тем доверенным лицом, при помощи которого министр финансов устраивал похищение бумаг у находившегося за границей противника и разоблачителя своей финансовой политики в 1890-х гг.

²¹ ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 872, л. 80; д. 876, л. 1—9.

²² Там же, д. 873, л. 5; д. 875, л. 29.

²³ Там же, д. 872, л. 31 и след., 65 и след.; д. 873, л. 51; д. 874, л. 179, 7; д. 872, л. 116—118.

²⁴ Там же, д. 872, л. 87—95.

²⁵ Там же, д. 874, л. 56, 78 и след.; д. 875, л. 25.

²⁶ Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 170.

И. Ф. Циона.²⁷ Но письма Рачковского, собранные и представленные Плеве царю, как раз и показывали, какого сорта лица обслуживали «великих поручителей всех возможных задач», причем все они, поручители и исполнители, стояли друг друга. Можно предположить, что письма эти попали в департамент от Ляшенко, которому были адресованы. Во всяком случае примечания, раскрывавшие условные имена, которыми Рачковский называл Витте, Горемыкина, Гессе и др., едва ли могли быть составлены без его участия. Дело в том, что обозначения эти постоянно менялись. На специальном листке в бумагах Ляшенко фигурировал сам «государь — русский», хотя первоначально, судя по зачеркнутому, «русским» должен был стать Витте, который после «примерки» псевдонима «знакомый» оказался «близким». Горемыкин был здесь «новым», вел. кн. Владимира Александровича сначала называли «дядей», а затем он оказался «другом», вел. кн. Сергей Александрович — «родственником», а неизвестные нам Шишкин — «соседом» и Гиль — «учителем».²⁸ В письмах Рачковского из «сборника Плеве» клички были уже совсем иные, причем некоторые персонажи имели их по две, что и отмечено в примечаниях. Витте был здесь «Альфонсиной» и «Посредником», Горемыкин — «Ник» или «Ник-в», Гессе — «Д-цовый» и «Накл-ый» (в примечаниях «Дворцовый» и «Наклонный»). Цион — «Евреиннов», а Ганзен — «Ваграмский приятель». В комментариях содержались также объяснения бывших в письмах неясностей, в том числе и намеренных.

Письма Рачковского посвящены двум темам в соответствии с основными занятиями их автора и адресата — учредительским аферам и выполнению поручений министров, связанных с их интригами друг против друга. Об официальных обязанностях в области политического сыска находим единственное цинично пренебрежительное упоминание Рачковского: «...сегодня сплавляю увесистый доклад толстокожим», — невозмутимо разъясненное в департаментском комментарии: «Толстокожие — Департамент полиции».²⁹

В первом же письме 9 июля 1897 г. содержится сообщение Рачковского о переговорах по поводу привлечения иностранного

²⁷ Впрочем, читая в «Воспоминаниях» (т. 1, с. 282) рассказ Витте о том, как в 1905 г. после Портсмута к нему в Париже явился Цион, «страшно извинился», а он, Витте, «отнесся к Циону довольно сухо», еще труднее представить себе, что Витте прислал Циону «любезную телеграмму» еще из Портсмута, а в Париже, не застав его дома, оставил свою карточку, а затем встретился с ним в день отъезда (Цион — Витте, 22 сентября 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 482). О публицистической деятельности Циона см.: *Витте С. Ю.* Указ. соч., т. 1, с. 538, примеч. 71.

²⁸ ОНИ ГИМ, ф. 450, д. 876, л. 103. — Ср. с «Ноздрей», «Тетерью» и «Головастиком», как называли через несколько лет члены «безобразовской шайки» «паршивый триумвират» из Витте, Куропаткина и Ламздорфа (*Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1905. М.: Л., 1955, с. 214).

²⁹ Карьера Рачковского..., с. 81.

капитала к строительству паровозного завода в Сибири.³⁰ Замысел этот, принадлежавший, очевидно, Ляшенко, предусматривал получение правительственных заказов на постройку и ремонт паровозов и был связан с планами кн. Белосельского-Белозерского, который, судя по записке Плеве, был близко знаком с Рачковским со времен «Святой дружины» и хотел теперь построить завод в своем имении поблизости от Сибирской дороги. Ляшенко должен был добиться для князя заказов на паровозы через «друзей из окружения Витте и Хилкова».³¹

Но «княжеское дело», как назвал его Рачковский во втором письме 10 декабря 1897 г., не выходило, несмотря даже на устроенный «визит», объясненный в департаментских комментариях как «знакомство г-жи Витте с княжной Белозерской».³² Жена Витте не была принята при дворе,³³ и он был очень заинтересован в признании ее «большим светом». Но шаг Белосельских, по выражению Рачковского, «послужил только к посрамлению княжеского достоинства». В письме Рачковского 3 апреля 1898 г. находим слова о том, что «дело швах», проклятия по адресу брюссельских партнеров Ляшенко — «шайки мазуриков» и рекомендацию ему и Белосельскому поскорее выкарабкаться «из зловонной клоаки».³⁴ Как увидим, Витте встретил в этом деле сопротивление царя.

В предпринимательских аферах Рачковского и Ляшенко участвовал и помощник Рачковского Гартинг. Он, как писал Рачковский, «снюхался» в Льеже с «La Banque Liégeoise», который ждал от Ляшенко предложений, способных «дать 20—30% барыша». И другие бельгийские дельцы ждали, по словам Рачковского, предложений из России, предпочитая углю железную руду («Бельгийцы говорят, что угольное дело на юге России находится в застое благодаря невозможности сбывать добываемый уголь в нужном количестве. Нет ли у тебя железной руды? Если не ошибаюсь, у тебя имеется таковая под Москвою. Приятелям Гартинга желательна железная руда»)³⁵ Гартинг и сам писал Ляшенко о различных аферах в Париже и Льеже с участием Рачковского. Но Ляшенко и помимо Гартинга вел в Брюсселе переговоры о создании русско-бельгийских обществ коммунального кредита и электротехнических предприятий (уже выдвигались против него обвинения в плутнях с бельгийским капиталом).³⁶ Рачковскому пришлось пожаловаться Ляшенко в письме 8 января 1898 г., что его «пилит Аркадий скорбящий»,

³⁰ Там же.

³¹ Полицо — Ляшенко, 17 августа 1897 г. — ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 874, л. 205 и след. — М. И. Хилков — управляющий Министерством путей сообщения.

³² Карьера Рачковского..., с. 83.

³³ См.: Витте С. Ю. Указ. соч., т. 1, с. 275, 536—537, примеч. 63.

³⁴ Карьера Рачковского..., с. 85—86.

³⁵ Там же, с. 81—82.

³⁶ ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 874, л. 49; д. 872, л. 17, 165; д. 873, л. 12, 44.

которому Ляшенко предпочел в одной из операций в Париже Перло (в комментариях указано, что первый — это Гартинг, а второй — бельгийский капиталист). «И отчего бы действительно не дать заработать своему?» — сетовал Рачковский.³⁷

Не менее свободно, чем друг с другом, обращались Рачковский и компания и с высокопоставленными своими патронами, видя в них сообщников, хоть и более высокого ранга. В июльском письме 1897 г. Рачковский говорит о Витте как о «принципале» Ляшенко, с готовностью отвечает на «вопрос о черной шайке, подкапывающейся под С. Ю.», сообщает, как он старается выкрасть по заданию Витте документы Циона («послал своих людишек»), сообщает Витте, что «в пику» ему при посредстве русского посла заключается в Париже заем для Дворянского банка. А 17 (29) ноября того же года он рекомендует Ляшенко Горемыкину, чтобы шпионить за Витте. Обстоятельства этого были таковы. Горемыкин и уже известный нам ген. Н. И. Петров, теперь начальник входившего в Министерство внутренних дел Главного управления почт и телеграфов, пользовавшийся благосклонностью министра благодаря своей жене,³⁸ решили, по-видимому, в интересах какой-то из фирм взять в казенные руки устройство телефона в Сызрани и выкупить в казну телефон в Петербурге. Дело попало бы в ведение Горемыкина и Петрова. Но нужны были ассигнования, против которых и выступил в записке царю Витте, утверждавший к тому же, что казна имеет от этого 50 % годового дохода, а Горемыкин и Петров такого дохода не добьются. С доносом на своего «принципала» приехал к Рачковскому в Париж Ляшенко и заявил, что Витте «входит с подобными записками по всем ведомствам, желая убедить государя в своем рвении при охране коронных интересов», а «в данном случае он имеет в виду вынудить Министерство внутренних дел отдать сызранское дело в руки частных лиц и возобновить контракт с компанией Белла в угоду какому-то Коху».³⁹

Рачковский и Ляшенко, не меняя своих «принципалов» и «великих поручителей», приняли самое активное участие в их витригах друг против друга. В качестве приманки Горемыкину Рачковский телеграфировал ему о сути дела, пообещав сообщить подробности в случае, если Горемыкин откликнется письмом. Тот не замедлил это сделать, и Рачковский ответил ему подробным письмом, завершившимся данной Ляшенко рекомендацией. «Не зная, в какой степени все это важно знать Вашему высокопревосходительству, — кокетничая, писал Рачковский Горемыкину, — я тем не менее осмеливаюсь думать, что Ляшенко будет крайне полезен для освещения опекунской деятельности Мини-

³⁷ Карьера Рачковского. . ., с. 84—85.

³⁸ См.: Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 171.

³⁹ Рачковский — Горемыкину, 17 (29) ноября 1897 г. — ЦГИА СССР, ф. 1626, оп. 1, д. 1143, л. 1—2.

стерства финансов на будущее время. Так, ему, между прочим, будут известны бюджеты по всем ведомствам с окончательными выводами С. Ю. до обсуждения таковых в Государственном совете. Вообще Ляшенко человек сведущий не только в финансовой политике, но и по другим вопросам деятельности названного министерства. Для упрощения его задачи не благоугодно ли будет Вашему высокопревосходительству давать ему отдельные поручения для освещения тех вопросов, которые Вас могли бы интересовать. Смею уверить Ваше высокопревосходительство, что он сумеет оправдать Ваше доверие и сделает все от него зависящее, чтобы Вы остались им довольны». ⁴⁰ Рекомендовал Рачковский своего подручного и ген. Гессе.

Такой оборот событий, разумеется, не замедлил отразиться и очередном письме Рачковского вернувшемуся в Петербург Ляшенко. Наряду с советами не привирать новым патронам («Иначе, кроме недоразумений и взаимной подозрительности, между вами ничего не произойдет... Ник. — человек честный, прямой, умный и осторожный, и дальновидности в нем много. Такого же приблизительно типа и Накл-ый») в нем сквозила и обеспокоенность Рачковского тем, что Ляшенко, ничего не сообщавший ему о своих новых контактах, ⁴¹ может повести дело за его спиной. Взывая к «брату по идеям и стремлениям», Рачковский принялся доказывать своему сообщнику, что они оба движимы «не взаимным стремлением к обогащению», которого он, Рачковский, боится «пуще чумы египетской, предпочитая оставаться беззаботным голяком», а ведут «благородную борьбу с темными силами». ⁴² В ответ считавший себя теперь одинаково влиятельным у обоих министров Ляшенко назвал Рачковского «истерической бабой» и потребовал исполнения поручения Витте относительно бумаг Циона. «Теперь об Альфонсинке, — отозвался на это письмо Рачковский 8 января 1898 г. — Дело ее постараюсь оборудовать вопреки естественным затруднениям». Но, посылая три корректурных листа по финансовому вопросу, которые «приятели стащили» у работавшего над антивиттевской брошюрой Циона, он давал понять, что намерен на этом остановиться, несмотря на «утешения» Ляшенко, «подкрепляемые разными надеждами». «Не забывай, что мы имеем дело с чудовищным кулаком, человеком ненадежным и недобросовестным», — писал он. И хотя было совершенно ясно, что никто, кроме Витте, не мог иметься в виду, в представленном Плеве царю тексте было сделано специальное об этом пояснение, а приведенные слова выделены. В случае провала, кончал Рачковский, Витте (здесь он был назван «посредником») «не заступится, а скорее

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Ляшенко между тем, едва вернувшись в Петербург, просил Горемыкина назначить «час и место» для доклада о полученных «за последние дни сведениях» (Ляшенко — Горемыкину, 6 декабря 1897 г. — ЦГИА СССР, ф. 1626, оп. 1, д. 938, л. 1).

⁴² Карьера Рачковского..., с. 83.

придавит. И вся моя служба пойдет насмарку. Подумай: стоила ли игра свеч?».⁴³ «Посредник обрадовался, вероятно, последнему рескрипту и наплевал на своего беззубого врага (так был назван в этом месте, судя по примечанию, Горемыкин. — *Р. Г.*), — писал Рачковский 3 апреля 1898 г., имея в виду рескрипт 24 февраля, содержавший высокую оценку финансовой политики Витте и ее результатов. — Думается, что пора было бы и нам покопаться с Швейцарией».⁴⁴

Таким был общий смысл четырех из пяти писем Рачковского дважды представленных царю. Несомненно, представляя их 13 июля 1903 г., в самые горячие дни борьбы, которую Плеве вместе с «безобразовской шайкой» вел против Витте (до увольнения министра финансов оставался всего месяц), Плеве метил не только в Рачковского, но и в Витте, и, может быть, прежде всего в него, стремясь связать его в глазах царя с одиозным в тот момент Рачковским.

Особый характер имеет заключительное письмо 29 декабря 1899 г., которым Рачковский отвечал на призыв Ляшенко о помощи («не топы»). Оно посвящено некоторым событиям 1899—1901 гг., требующим специального рассмотрения.

Для закулисной истории этих лет мы располагаем помимо прочего таким источником, как записки В. В. фон Валя, охватывающие именно 1899—1901 гг.⁴⁵ Записками их назвал сам автор, в 70—80-х гг. харьковский, витебский губернатор, в 90-х гг. — столичный градоначальник, впоследствии же, в 1901—1902 гг., — виленский губернатор и в 1903—1904 гг. — товарищ министра внутренних дел.

Придавая своим записям форму дневника, Валь, однако, еще в меньшей мере, чем А. С. Суворин, А. В. Богданович и Е. А. Святополк-Мирская, связывал себя поденным принципом. Записи были посвящены не только текущим, но и недавно прошедшим событиям. Под той или иной датой фигурировала группа фактов, объединявшихся сюжетной общностью, не всегда тесной, независимо от того, когда именно они имели место.⁴⁶ Валь записывал не только слухи, но и сведения, сообщавшиеся ему чиновниками высокого ранга, иногда оставлявшими документальные подтверждения этих сведений в делах своих ведомств. Отодвинутый в сторону, но мечтавший о возвращении к активной деятельности, Валь считал своими врагами Горемыкина и пе-

⁴³ Там же, с. 85.

⁴⁴ Там же, с. 86. — Рескрипт см.: Правительственный вестник, 1898, № 44, 26 февраля (10 марта). — Цит. жил в Швейцарии.

⁴⁵ Записки В. В. фон Валя. — ОР ГПБ, ф. 127, № 6.

⁴⁶ Затем, работая над воспоминаниями о своей деятельности на посту виленского губернатора, озаглавленными им «Вильна» (ЦГИА СССР, ф. 910, оп. 1, д. 13), Валь отбросил дневниковую форму.

тербургского градоначальника ген. Н. В. Клейгельса. «Пока министром Горемыкин, мошенникам будет жить хорошо», — записал Валь в первый же день, 30 сентября 1899 г., приступив к сбору фактов о практике государственного управления, который считал для себя полезным. Симпатизируя Витте как противнику Горемыкина, он принялся описывать «травлю, которую устраивает на Витте шайка Горемыкина и которую поддерживает Николай Валерьянович Муравьев (министр юстиции. — Р. Г.) в надежде поудить рыбы в мутной воде».⁴⁷

Но изложенные здесь Валем сведения лили воду отпюдь не на мельницу Витте. Валь записал яркий рассказ московского прокурора, очевидно А. А. Лопухина, о пресловутом «мамонтовском деле», соответствовавший подробному изложению этого дела в мемуарах Лопухина.⁴⁸ Смысл рассказа состоял в том, что уволенный Витте за получение взятки от Мамонтова директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов В. В. Максимов на вопрос Витте, куда шли полученные деньги, ответил министру советом спросить об этом собственную жену.⁴⁹ Напомним посредническую роль, которую играл между Мамонтовым и правительственными ведомствами Ляшенко, вознаграждавший их представителей за содействие мамонтовским предприятиям. Существенным элементом кампании против Витте явились письма царю и государственному контролеру Т. И. Филиппову редактора «Русского труда» С. Ф. Шарапова, критиковавшего экономическую политику Витте и выдвигавшего против него различные обвинения, несмотря на февральский рескрипт. Если в своей первой записке 16 ноября 1898 г. Шарапов пугал царя государственным банкротством и требовал отмены введения золотой валюты, которого добился Витте, то затем в записках государственному контролеру Т. И. Филиппову (29 сентября 1899 г.) и царю (15 октября) он обвинял министра финансов в разорении государства, в причастности к мамонтовскому делу. «не в ошибках, а в ряде вполне обдуманных преступлений», требовал суда над ним. Филиппов, не желая быть вовлеченным в поход против Витте (а Шарапов распространил свое письмо

⁴⁷ Записки В. В. фон Валя, л. 3, 5.

⁴⁸ Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний: По поводу воспоминаний гр. С. Ю. Витте. М.; Пг., 1923, с. 60—65; см. также: Витте С. Ю. Указ, соч., т. 1, с. 212, примеч. 54, с. 531—533.

⁴⁹ Записки В. В. фон Валя, л. 2. — Валь записал рассказ о том, как Витте, получив письменное заявление одного из членов Государственного совета о взятках в его министерстве, собрал директоров и вице-директоров департаментов и потребовал расследования «домашним образом». Опо ничего не дало, но Витте узнал о взятке, данной близким ему главой Международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейном. Спрошенный Витте, Ротштейн заявил, что «деньги давал всегда по каждому делу, так как иначе нельзя». Витте упрекнул Ротштейна, указывая на их личную близость, но тот ответил, что «министры это одно, а департамент — другое, и без департамента ничего не сделаешь» (там же, л. 37—38).

к Филиппову по городу), искал «защиты от такого лукавого подвоха» у Горемыкина как министра внутренних дел.⁵⁰

«Шайка Горемыкина» могла, казалось, одолеть Витте, но споткнулась сама. Произошло это следующим образом. В основе кампании Шарапова против Витте, ожесточенность которой Валь объяснял отказом министра финансов предоставить затребованную Шараповым полумиллионную субсидию для «Русского труда» («... дело прямо шантажное», — писал Валь⁵¹), лежал вопрос о привлечении иностранного капитала.

Под влиянием вел. кн. Александра Михайловича и его окружения, к которому принадлежал и Шарапов, царь в нескольких резолюциях выступил как противник привлечения иностранных капиталов. Особенно резкой была резолюция по делу Белосельского с участием бельгийского капитала, тому самому, к которому были причастны Рачковский и Ляшенко. Тогда Витте, ссылаясь на разочарование иностранных капиталистов и прекращение притока их капиталов, предложил, чтобы царь «определительно и обязательно для всех министров» высказал свой взгляд по этому вопросу.⁵² Он обсуждался Советом министров в марте и июне 1899 г. по докладам Витте, выступавшего за привлечение иностранного капитала и создание для этого законодательных предпосылок. Хотя министр иностранных дел М. Н. Муравьев и военный министр А. Н. Куропаткин пытались внести лишь некоторые поправки к предложениям Витте, заимствованные из аргументации его противников, решительной победы ему одержать не удалось, и он продолжал добиваться сосредоточения в своих руках всей власти, необходимой для привлечения иностранных капиталов.⁵³ Горемыкин в прениях, по-видимому, не участвовал. Рачковский же, Ляшенко и другие «привлекатели», окружавшие министров, взыграли духом. Летом 1899 г. Ляшенко, секретарь Рачковского Гольшман и двое греков, Митцакас и Гвастали, первый из которых определен в комментарии к «сборнику» Плеве как «оказавший услуги Министерству финансов»,⁵⁴

⁵⁰ Записки В. В. фон Валя, л. 4; Гиндин И. Ф. Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX—начале XX в. — В кн.: Материалы по истории СССР. М., 1959, VI, с. 217; ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 388. — Столкновения Витте с Горемыкиным происходили по самым различным вопросам. Так, Витте составил и распространил направленную против Горемыкина записку, осуждавшую действия полиции против студентов Петербургского университета 8 февраля 1899 г. (Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 164—165, 598, примеч. 38).

⁵¹ Записки В. В. фон Валя, л. 4.

⁵² Из дневника А. А. Половцова. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1931, т. 3 (46), с. 119.

⁵³ Гиндин И. Ф. Указ. соч., с. 160, 170—171; Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 179—188.

⁵⁴ Карьера Рачковского... с. 86. — Наряду с Митцакасом Рачковский был связан с пекой «принцессой», о которой в комментарии сказано: «Принцесса Луизьян живет в Лондоне; она предлагала нашему правительству свои услуги по разным финансовым предприятиям и потому была представлена П. П. Гессе и бывшему министру иностранных дел Муравьеву при содействии Рачковского» (там же).

вступили в переговоры с группой английских капиталистов об организации Англо-русского синдиката для инвестиций английских капиталов в русские предприятия и размещения русских денежных обязательств на английском рынке. В августе синдикат был создан во главе с пятью директорами — У. Барнеттом (председатель), У. Тозером, С. Моттом, Дж. Уэстом и Ф. Пелли. Двое из них с Ляшенко приехали в Петербург, где Ляшенко предложил им две концессии — на сооружение железной дороги для соединения Петербурга с Великим Сибирским путем через Вятку, Пермь, Челябинск и устройство порта на Черном море с примыкающей к нему железной дорогой. Уверившись в том, что Ляшенко влиятелен и у Горемыкина, который принял их вместе с ним, и у Витте, англичане воодушевились. Возникшие у них сомнения Ляшенко рассеивал ссылками на твердые обещания поддержки со стороны Горемыкина, которого называл своим «патроном». В октябре 1899 г. Горемыкин отправился за границу. Ляшенко сопровождал его. При встрече с директорами синдиката, а затем на обеде, устроенном ими в его честь, Горемыкин подтвердил все обещания Ляшенко.⁵⁵

Ляшенко был не единственным спутником Горемыкина. Помимо Е. М. Петровой, жены ген. Н. И. Петрова, с ним был и инженер П. И. Балинский, сын известного психиатра И. М. Балинского и брат полк. И. И. Балинского, управляющего конторой двора вел. кн. Николая Николаевича. Вместе со своими компаньонами Балинский через Клейгельса как петербургского градоначальника и Горемыкина в начале 1899 г. предложил создание сначала Русско-бельгийского, а затем Русско-английского общества для постройки в Петербурге круговой железной дороги. Проектом заинтересовался царь, и он был передан на рассмотрение особого совещания под председательством Д. М. Сольского, в котором Витте выступил против Горемыкина, отстаивавшего правительственную гарантию для 4/5 капитала предположенного общества. По словам Валя, «протест министра финансов крайне озлобил Горемыкина, решившегося во что бы то ни стало сломать это сопротивление либо самого министра». Затем в марте 1899 г. в Петербурге появились Базиль Захаров, известный торговец оружием, компаньон английской фирмы Виккерс, поставщик петербургских военного и морского ведомств,⁵⁶ а также

⁵⁵ Проект всеподданнейшего доклада С. Ю. Витте, пе ранее июня 1900 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 229, л. 1 и след.

⁵⁶ Полурусский, полугрек, Захаров (1850—1936) в течение нескольких десятилетий вел международную торговлю оружием в качестве английского и французского предпринимателя. Фирма Виккерс ценила его умение проникать на отдаленные рынки с использованием «местных коммерческих прав». Он приобрел широкую известность не только своими деловыми успехами, но и циничной похвалой оружейным бизнесом. «Я устраиваю войны так, что могу продавать оружие обеим сторонам», — заявил он в 1933 г. (*Trebilcock C. The Vickers Brothers. London, 1977, p. XXXIII*). Послужил прототипом персонажа пьесы Б. Шоу «Майор Барбара» — фабриканта оружия Андершафта.

лондонский инженер-строитель Дж. Джексон. Захаров был привлечен к делу находившимся с ним в дружеских отношениях П. М. Зеленко, братом все той же Е. М. Петровой, Джексон — еще одним ходатаем по различным делам в петербургских ведомствах кн. Бебутовым. Перед поездкой Захаров потребовал и с вedom Горемыкина получил телеграфное сообщение о том, что царь в принципе согласен с проектом.⁵⁷ Но приезд иностранцев делу не помог. Горемыкин и Клейгельс ему споспешествовали, однако Витте и Хилков развеяли их оптимизм.⁵⁸

«Тогда. — записал Валь, — через директора Департамента полиции Горемыкин приказал политическим агентам департамента за границей установить наблюдение за агентами Министерства финансов с целью обнаружить факты, могущие компрометировать Витте. В то же время при посредничестве Балинского и Зеленко состоялось соглашение с Захаровым, по которому в расходы по предпринятию внесена сумма в 13 миллионов для вознаграждения лиц, которые окажут содействие к осуществлению проекта с гарантией от правительства. Самые крупные суммы предполагались Горемыкину и Клейгельсу, а затем предложена была крупная сумма лейб-акушеру Отт ввиду приближенного его положения к царской семье и близких отношений его к семейству министра финансов, если он сломит сопротивление последнего».⁵⁹

По словам Валя, «для подробных переговоров по этому делу с иностранными капиталистами» Горемыкин и поехал за границу. Во всяком случае в Лондоне Горемыкин подтвердил Джексону, точно так же как он это сделал перед директорами Англо-русского синдиката, обещание поддержки «всей силой своего влияния».⁶⁰ Но 20 октября 1899 г. в «Правительственном вестнике» был напечатан присланный царем из Дармштадта, где он находился, приказ об увольнении продолжавшего заграничную поездку Горемыкина. «Поведение Горемыкина в Париже, — объяснял случившееся Валь, — где он ради большего воздействия на финансовые круги слишком выставлял свое официальное положение министра и даже вдавался в неосторожные политические суждения, вызвало затруднения в нашем Министерстве иностранных дел, вследствие чего граф Муравьев принес жалобу государю и просил вызвать Горемыкина из Парижа. К этому, как рассказывают, присоединились сведения, полученные государем от императрицы Марии Федоровны из Копенгагена и вел. кн.

⁵⁷ Балинский — Горемыкину, 16 апреля 1899 г. — ЦГИА СССР, ф. 1626, оп. 1, д. 389, л. 2—7.

⁵⁸ Записки В. В. фон Валя, л. 16; Витте — С. С. Татищеву, 28 июня 1900 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 235, л. 9—10; Татищев — Витте, 14 (27) июля 1900 г. — Там же, л. 11—14.

⁵⁹ Записки В. В. фон Валя, л. 16—17.

⁶⁰ Там же; Татищев — Витте, 14 (27) июля 1900 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 235, л. 13; Балинский — Горемыкину, не ранее 20 октября 1900 г. — Там же, ф. 1626, оп. 1, д. 389, л. 37.

Сергея Александровича из Москвы о финансовых предприятиях Горемыкина в Лондоне и настоящем значении пресловутого проекта круговой дороги, и это, наконец, убедило государя уволить эту грязную личность».⁶¹

Обстоятельства увольнения и срочность его не оставляют сомнения в том, что усиленное покровительство Горемыкина «принимателям» иностранного капитала сыграло роль в решении его судьбы.⁶² Однако могли быть и другие причины более «государственного» характера. Следует иметь в виду политическую борьбу Витте и Горемыкина по вопросу о земстве.⁶³ Отметим также издевательское замечание в мемуарах Витте о том, что Горемыкин оказался для царя «недостаточно консервативен».⁶⁴ По-видимому, с этим, как и с предпринимательскими аферами, связана еще одна сообщенная Валем версия увольнения Горемыкина. По словам Валя, «последним толчком» к увольнению послужил для царя состоявшийся за границей доклад принца Александра Петровича Ольденбургского о беспорядках в местном управлении.

Не ограничиваясь заменой Горемыкина Сипягиным, царь пришел-де к общему заключению, «что все министры, отстаивая только интересы своего ведомства, очень часто не придерживаются истины, т. е. попросту врут». Горемыкинская история, развертывавшаяся борьба между Горемыкиным и Витте как нельзя лучше подтверждали необходимость создания объединенного правительства с председателем во главе. Но царь стал искать выход не в этом государственном преобразовании, идея которого восходила к 1860-м годам, а на пути, наиболее соответствовавшем строю своего мышления. У него появилось намерение (Валь был склонен приписать его возникновение своей записке, прочитанной вел. кн. Константином Константиновичем) восстановить на правах, принадлежавших главному начальнику Третьего отделения, должность независимого от министра внутренних дел шефа жандармов, который стал бы «посредником и контролером действий гг. министров». Первый выбор царя пал на самого А. П. Ольденбургского, но тот, наслышавшись за границей «тенденциозных», по словам Валя, рассказов о Витте, стал уговаривать царя уволить вслед за Горемыкиным и Витте, но царь, «который в этом деле был лучше осведомлен», отказался от кандидатуры Ольденбургского. Затем он остановился на вел. кн. Константине Константиновиче, но ему объяснили, что назначение на эту должность члена царской фамилии «невозможно и

⁶¹ Записки В. В. фон Валя, л. 17—18. — Гессе 17 октября отправил Горемыкину в Париж письмо с предупреждением о том, что он будет уволен до возвращения в Петербург (ЦГИА СССР, ф. 1626, оп. 1, д. 1438, л. 161).

⁶² По словам Валя, Горемыкин и Клейгельс к тому же поставляли по высоким ценам сено и овес Петербургской пожарной команде, дрова для полицейских зданий и т. п. (Записки В. В. фон Валя, л. 10—11).

⁶³ См.: *Ананьич Б. В.* Россия перед революцией. 1895—1904. — В кн.: *Кризис самодержавия в России. 1895—1917.* Л., 1984, с. 106 и след.

⁶⁴ *Витте С. Ю.* Указ. соч., т. 2, с. 164.

неудобно» (Валь был очень этим огорчен). Генерал-адъютант О. Б. Рихтер «был признан *gamoli*», а А. В. Олсуфьев отказался, объявив, что он не в силах «распутать ложь и обман, завладевшие правительством». Оставались кандидатами Гессе и ген. Шебеко, записал Валь, «если только не удастся отговорить государя от намерения воссоздать шефство, против чего все министры восстают единодушно».⁶⁵

Сипягин «в этих видах» (чтобы утопить царскую идею) предложил восстановить должность товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, как это было при Д. Толстом. А одним из двух его кандидатов на эту должность оказался не кто иной, как ген. Н. И. Петров. «К сожалению», отмечал Валь, увольнение Горемыкина «не прекратило действие шайки Петров—Зеленко». Сипягин был дружен с сенатором А. И. Петровым, бывшим товарищем министра путей сообщения, женатым на сестре Е. М. Петровой и П. М. Зеленко. Благодаря этому, по словам Валья, удержались и Н. И. Петров, и Н. В. Клейгельс. Хотя Витте был очень близок с Сипягиным да и с Горемыкиным почел за благо не рвать до конца, исходатайствовав ему у царя 50 тыс. руб.,⁶⁶ министру финансов приходилось держать ухо востро. Дело в том, что уход Горемыкина не ликвидировал пользовавшихся его покровительством предпринимательских затей. И если бы они удались, то для Витте это был бы серьезный удар. Продолжая на своем посту борьбу за привлечение иностранного капитала, он никому другому, а Горемыкину в особенности, не желал уступить и части влияния на этот процесс. Между тем и Ляшенко, и Зеленко отнюдь не отказались от своих планов, да и сам Горемыкин считал, что все еще достаточно силен, чтобы им помогать. Вместе с Клейгельсом он хлопотал за проект Захарова—Джексона—Балинского перед Сипягиным.⁶⁷ Англо-русский синдикат продолжал свои действия как ни в чем не бывало.⁶⁸ Ляшенко представил на имя Витте официальное

⁶⁵ Записки В. В. фон Валья, л. 19—21.

⁶⁶ «Это интересный факт для характеристики этих двух людей, — записал Валь. — Горемыкин делал что только мог для того, чтобы утопить Витте, объявлял его во взятках и преступных сделках. Витте это хорошо знал. Знал также, что отчаянные нападки на него редактора „Русского гласного“ Шарапова поддерживаются и поощряются Горемыкиным, который как министр внутренних дел мог легко обуздать газету. Не менее того, он не только согласился доложить государю просьбу Горемыкина, но когда государь сделал гримасу и высказал нежелание дать такую большую сумму, то Витте уговорил его, указав на тяжелые условия, при которых совершилось увольнение Горемыкина» (Записки В. В. фон Валья, л. 13—14). Умиление Валья было напрасным. Витте, как мы увидим, готовил атаку против Горемыкина с помощью собиравшихся документальных ресурсов.

⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 1626, оп. 1, д. 1438, л. 169.

⁶⁸ Выполняя за границей вместе с Рачковским поручения уже отставленного Горемыкина, Ляшенко писал ему: «Я плачу, плачу и плачу — горе наше, мое и Рачковского, так велико, что и сказать нет сил» (Письмо Ляшенко Горемыкину в Берлине, городское с оказией, 2 ноября 1899 г. (п. ст.). — ЦГИА СССР, ф. 1626, оп. 1, д. 938, л. 4).

прошение синдиката о концессии на сооружение линии Петербург—Челябинск и о сдаче в аренду Пермь-Котласской дороги. Вместо ответа он привез в Лондон в ноябре письмо Горемыкина, в котором тот заверял, что с его отставкой «ничего не изменится в этом деле», и рекомендовал полагаться на Ляшенко, «не обращая внимания на разные басни или толки, исходящие из менее надежного источника».⁶⁹

Вероятно, источник этот так или иначе он связывал с Витте, и камень Горемыкина был в его огород. А Витте, продолжавший в общем плане кампанию за привлечение иностранного капитала, не боялся стать в позу его гонителя. Еще одна английская компания просила концессии на устройство шлюзов на Днестре для получения электрической энергии с правительственной гарантией 3% на 20 млн. руб. капитала сроком на 80 лет с правом выкупа в казну через 30 лет.⁷⁰ Напомним, что Днестром в свое время интересовался Ляшенко. Вынужденный, очевидно, вследствие благоприятной проекту позиции царя, «наконец», внести дело в Государственный совет, Витте, по его словам, решился выступать там против проекта.⁷¹ Против выступало и суворинское «Новое время», причем с позиций совершенно шараповских («Днестр мы оценим сегодня по его нынешней цене и отдадим в Англию, Волхов передадим в Данию, Нарову — в Германию»; «Вся Россия окажется в руках англичан»). Витте заявил Суворину, что согласен с ним, правда, он против предоставления концессии как иностранному, так и русскому капиталу, и, сославшись перед царем на газетную полемику, он получил разрешение забрать дело из Государственного совета.

В этих условиях все ходатайства Ляшенко в Петербурге (а он придумывал все новые и новые аферы) оказывались безрезультатными, и правление синдиката получило, в конце концов, счет из лондонского отеля, откуда он съехал, не заплатив. Теперь, когда Горемыкин, по точному расчету Витте или по точным полученным им сведениям, попал в ловушку, оставалось ее захлопнуть. Не прошло и месяца после того как в Лондоне было получено покаянное письмо Горемыкина, отрекшегося от Ляшенко, а Витте уже получил оттуда завершавшийся этим письмом сборник документов.

Организатором дела был агент Министерства финансов в Лондоне С. С. Татищев, о котором здесь следует сказать несколько слов. Историк, дипломат с большой склонностью к авантюризму, он неоднократно прибегал к различным операциям и трюкам с документальным материалом в собственных корыстных целях. Н. К. Шильдер, который, как и Татищев, был известен историческими трудами официального направления, посвященными рос-

⁶⁹ Черновой проект всеподданнейшего доклада С. Ю. Витте, не ранее июня 1900 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 29, л. 3.

⁷⁰ Новое время, 1900, 11 (24) марта.

⁷¹ Там же, 17 (30) марта.

сийским императорам и их политике, сравнил Татищева с Д'Антрэгом, который, будучи доверенным лицом Людовика XVIII, предал его Бонапарту, поступил затем на службу к Александру I и кончил жизнь в Англии от руки убийцы, неизвестно кем инспирированного. Сослуживец Татищева по дипломатическому ведомству Ю. С. Карцов в своих воспоминаниях о нем, считая отмеченное Шильдером сходство Татищева с Д'Антрэгом «чисто внешним», одновременно отметил: «Политиком промышляли они оба. Располагая дипломатическими тайнами и документами, втесывались они между правительствами и навязывали им свои услуги». ⁷² Татищев имел обыкновение оперировать целыми партиями документов. Ю. С. Карцов в связи с этим писал: «Политические документы — оружие самое действительное, но при условии предъявить или опубликовать их вовремя, т. е. пока события не потеряли актуальности и деятели, против которых разоблачение направлено, не сошли со сцены. С каждым днем документы выдыхаются, а под конец компрометируют лишь того, кто завладел ими, не имея на то права». ⁷³

Каким именно образом Татищев завладел «объемистым тюком политических документов, относящихся к эпохе войны 1877—78 гг.», осталось Карцову неизвестным, но он знал, что Татищев, изгнанный с дипломатического поста в Вене за непотребное поведение, решил «если не добром, то силою» снова поступить на службу, используя для этого захваченные бумаги А. М. Горчакова, которые он, смеясь, называл «священным кладом канцлера». С этой целью он вернул бумаги с объяснением, состоявшим в том, что Горчаков дал ему их «с просьбой защитить его память от клевет Бисмарка и его рептилий». Но Александр III счел объяснение «паглой ложью», и Татищев проиграл на этот раз свою игру, если не считать, что, возвращая бумаги, он, по-видимому, снял с них копии, ибо в 1910 г. его дочь продала ящик бумаг издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу, который, купив их заглазно за 100 руб., считал, что переплатил, так как они фигурировали в изданных Татищевым сочинениях. Войти в доверие к Александру III и министру иностранных дел Н. К. Гирсу Татищев пытался и с помощью «новой серии писем принца Кобургского графу Фландрскому» уже после того, как была раскрыта история этой подложной переписки, сфабрикованной французским литератором Фуко де Мондионом в доказательство враждебности Германии к России. Новую серию явных фальсификаций Татищев сопровождал «неопровержимыми доказательствами» того, что Бисмарк снабжает деньгами женовскую эмиграцию и готовит покушение на царя. Но и это не помогло вернуться в дипломатическое ведомство. ⁷⁴ Татищева обвиняли

⁷² Карцов Ю. С. С. С. Татищев: Страница воспоминаний. Пг., 1916, с. 37.

⁷³ Там же, с. 17—18.

⁷⁴ Там же, с. 12. — Авантюры Татищева часто оборачивались для него неудачами. Он был близок с Флоке, главой французского кабинета, и по

и продаже документов иностранцам, и Александр III этому верил.⁷⁵ Некоторое время Татищев прослужил в Министерстве внутренних дел, составив для полицейских нужд очерк истории революционного движения. Лет пятнадцать он жил литературными заработками. Наконец, в 1898 г. Витте назначил Татищева на пост финансового агента в Лондоне.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что Татищев был самым подходящим лицом для выполнения поручения Витте по сбору документов об Англо-русском синдикате и что не по собственной инициативе предложил он председателю синдиката (в связи с визитом Горемыкина в Лондон этот пост занял влиятельный английский деятель сэр Г. Тайлер) представить ему для Витте материал о происшедшем.⁷⁶ Предполагаем, что Татищев и сам вместе с англичанами принимал участие в подготовке сборника, состоявшего, по-видимому, не менее чем из 15 документов с приложенным типографским экземпляром устава учрежденного в Лондоне Англо-русского синдиката. Сборник открывался меморандумом за подписью Тайлера, который представлял собой обзор действий синдиката, основанный по преимуществу на его переписке, причем упомянутые в меморандуме письма и другие документы, за некоторыми исключениями, были обозначены, как и сам меморандум, в качестве приложений к отсутствующему и известном нам экземпляре сборника письму от 8 июня 1900 г., адресованному, как полагаем, Тайлером Татищеву. Приложения были нумерованы, это дает возможность установить отсутствие в нашем экземпляре четырех документов. Кроме того, отсутствует по крайней мере еще один документ, упомянутый в меморандуме, но не обозначенный в качестве приложения, а потому, возможно, не включенный в состав сборника.

Документы несомненно свидетельствовали о том, что Горемыкин проявлял особый интерес к предприятию Рачковского и Ляшенко, оказывая ему всемерное покровительство. Когда Ляшенко внушал англичанам в письме 13 (25) сентября 1899 г., что высокое положение Горемыкина и доверие, которым он пользуется у царя, гарантируют успех синдиката, что он мог бы получить у Горемыкина письменное удостоверение его обещаний, но не хочет демонстрировать министру недоверие к нему англичан, а на следующий день писал: «Давайте подведем итог: мы имеем сегодня личное обещание его превосходительства, что этот пре-

его поручению написал статью, посвященную участию России во всемирной выставке в Париже 1889 г., в которой сравнивал крестьянскую реформу 1861 г. с событиями 1789 г. во Франции. «Только негодяй может писать такие вещи», — пачертал Александр III на полях статьи. В 1892 г. в парижской печати появилось сообщение об участии Татищева в Панамском скандале — получении 500 тыс. франков из денег, которые общество Панамского канала передало Флоке (там же, с. 12, 22).

⁷⁵ Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 170.

⁷⁶ Меморандум председателя Англо-русского синдиката Г. Тайлера, не ранее 8 июня 1900 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 229, л. 14.

восходный бизнес будет нашим и только нашим!»,⁷⁷ — он был не так уж далек от истины. Во всяком случае, когда вслед за тем, в начале октября, Горемыкин приехал в Лондон, англичане могли убедиться в «сердечных и интимных отношениях» между министром и Ляшенко и сами слышали из уст министра, что «проект железной дороги Пермь—Челябинск, хотя специально и не находится в его ведении, получит его полную поддержку и он употребит для этого свое влияние, т. к. считает дело выгодным для Российской империи». В этом же смысле высказался он на обеде, который был дан в его честь синдикатом 12 октября (н. ст.).⁷⁸ Не вызывает сомнения и утверждение Ляшенко о том, что, составляя прошение синдиката на имя Витте, отправленное 3 ноября (н. ст.) 1899 г. (оно отсутствует в нашем экземпляре сборника, как и письмо синдиката к Витте 1 декабря (н. ст.) 1899 г.; упоминаемые в меморандуме письма синдиката к Витте 15 марта и около 11 мая (н. ст.) 1900 г., очевидно, не были включены в сборник), он пользовался советами Горемыкина.⁷⁹

Затем, после отставки Горемыкина, один из компаньонов Ляшенко, уже известный нам Митцакас (не по поручению ли петербургского финансового ведомства, с которым был связан?) заявил руководителям синдиката, что Ляшенко не заслуживает доверия. И хотя Ляшенко привез уже известное нам письмо Горемыкина 5 (17) ноября 1899 г., 25 ноября (н. ст.) председатель синдиката Тайлер в сопровождении одного из директоров — Уэста — отправился в Париж к Рачковскому, который оставался для них, по-видимому, высшим авторитетом.⁸⁰ Надо полагать, что тут-то Ляшенко и взмолился перед Рачковским: «Не топи». Тот назвал этот призыв «громкой фразой», которую велел «припрятать для кого-нибудь другого», посоветовав Ляшенко «в дальнейших объяснениях с синдикатом не выходить из роли оклеветанного и оправдывающегося, если бы этим болванам потребовались еще какие-либо объяснения», и призвал его к осторожности с Митцакасом, с которым он-де, как и с «принцессой», поврал.⁸¹ Тайлера и Уэста Рачковский вновь заверил в надежности Ляшенко (19 декабря (н. ст.) он отправил им еще и письмо, включенное в сборник, но отсутствующее в нашем экземпляре его).

По возвращении из Парижа руководители синдиката, отправив письмо Витте 1 декабря, командировали в Петербург опытного инженера, который провел там полтора месяца и привез данный ему в Министерстве финансов проект соглашения об образовании компании для строительства и эксплуатации железной дороги Петербург—Вятка.⁸² Как явствует из двух писем

⁷⁷ Там же, л. 17, 21.

⁷⁸ Там же, л. 11.

⁷⁹ Там же, л. 12.

⁸⁰ Там же, л. 13, 22.

⁸¹ Карьера Рачковского..., с. 86—87.

⁸² ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 229, л. 14, 31 и след.

этого инженера в Лондон, Ляшенко, хотя и подводил его, все же добился у Витте разрешения на ознакомление с техническим материалом, находившимся еще в руках Общества Ярославско-Архангельской дороги, которое раньше получило было контракт на строительство, но лишилось его из-за финансовых трудностей. Да и независимо от участия в деле Ляшенко этот инженер по фамилии Ковентри сам вел переговоры в Министерстве финансов с Н. А. Гурьевым (как известно, доверенным лицом Витте) и убедился, что правительство не хочет разрыва переговоров («поскольку сделать это было бы для них очень легко, когда я предложил, что вернусь в Лондон и приеду опять, после того как правительство уладит дела с железнодорожным обществом»). Ковентри усвоил, что общая линия министра финансов благоприятна привлечению английского капитала (напомним слова Витте Суворину), и именно в этом свете он рассматривал оба железнодорожных предприятия — свое и связанное с круговой железной дорогой в Петербурге.⁸³ Однако представить себе, что продолжение борьбы с влиянием Горемыкина для министра финансов важнее всего, лондонский инженер не мог.

Привезенный Ковентри из Петербурга проект с точки зрения синдиката требовал изменений. Перед Витте в адресованном ему письме от 15 марта (н. ст.) 1900 г. (оно, очевидно, не было включено в сборник и во всяком случае отсутствует в нашем экземпляре) был поставлен вопрос о размерах гарантии акций и облигаций, но он, как дал понять директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов Э. К. Циглер, на гарантии не соглашался.⁸⁴ От Ляшенко в этом торге, собственно, ничего уже не зависело, как вдруг он был выведен из игры (мы покажем ниже, каким образом это было сделано), а само дело повисло в воздухе. Синдикат, считая, что причина кроется в исчезновении Ляшенко, к тому же задолжавшего синдикату 1200 фунтов стерлингов, обратился с жалобами на него к Витте, Горемыкину и Рачковскому. Витте и Рачковский промолчали, а Горемыкин ответил покаянным письмом 10 (23) мая о том, что его «седой голове» не хватило осторожности, недоверия «к человечеству» и т. п., отослав, впрочем, англичан к Рачковскому.⁸⁵ Нечего и говорить, что письмо Горемыкина, завершавшее сборник, было находкой для Татищева и Витте. Все это, как указывалось в меморандуме Тайлера, было вручено Татищеву по его требованию для сведения Витте.

Редко кому из подчиненных Витте случалось так угодить ему, как удалось на сей раз Татищеву. «Приношу Вам искреннюю благодарность за сообщение сведений об Англо-русском синдикате и за любезное доставление документов, присланных при письмах от 10 (23) и 17 (30) июня с. г. Я разделяю Ваше мне-

⁸³ Там же, л. 23—30.

⁸⁴ Там же, л. 14.

⁸⁵ Там же, л. 38.

ние, что дела, подобные настоящему, наносят существенный вред нашим отношениям с коммерческими сферами Англии, и для меня весьма важно иметь точные и возможно подробные данные об оборотной стороне этих дел, а равно и лицах, принимавших в них участие», — писал Витте Татищеву 28 июня (ст. ст.) 1900 г.⁸⁶ Как видим, Татищев потрафил министру не только документами, но и их оценкой (о судьбе его донесения, в котором это было сделано, скажем ниже). «Поэтому я был бы Вам также весьма признателен, — продолжал Витте, — если бы такие же совершенно конфиденциальные сведения Вы могли бы без всякой огласки собрать (даже если потребуется с известными расходами) относительно другого также весьма интересующего меня дела о постройке круговой железной дороги и центрального вокзала в Петербурге... живейшее участие в нем принимали бывший министр внутренних дел действительный тайный советник Горемыкин и санкт-петербургский градоначальник генерал-майор Клейгельс. Внешняя сторона и весь официальный ход дела мне, конечно, хорошо известны, но его оборотная сторона для меня не вполне ясна, и собрать о ней более или менее точные данные, я думаю, легче всего в Лондоне, в среде капиталистов, предполагавших принять в нем участие».

Татищев с энтузиазмом взялся за новое дело. Тем временем в Петербурге на основе меморандума Тайлера и приложенных к нему документов составлялся всеподданнейший доклад Витте по делу Англо-русского синдиката. В рукописном наброске доклада указывалось, что Тайлер просил Татищева довести документы до сведения Витте, а Витте в свою очередь считает «своим нравственным долгом» доложить их содержание царю, хотя, как мы знаем, в самом меморандуме Тайлера было прямо сказано, что он представляет документы Витте по требованию Татищева. Если в машинописном тексте незавершенного проекта всеподданнейшего доклада при изложении дела мишенью был Ляшенко, то в рукописном речь шла прямо о Горемыкине, хоть и не названном по фамилии. Сетования по поводу того, что «жертвою излишней доверчивости сделались несколько почтенных английских капиталистов, образовавших между собою Англо-русский синдикат», сопровождались заявлением Витте: «Я позволяю себе утруждать высочайшее Ваше внимание главным образом потому, что злоупотреблявшие доверчивостью синдиката воспользовались для своих (целей) покровительством и влиянием лиц, занимавших высокое и ответственное место в нашей служебной иерархии и ныне состоящего членом государственного законосовещательного учреждения».⁸⁷

Почему в начале фразы покровителей было несколько, а в конце прямо имелся в виду один Горемыкин, ставший после отставки членом Государственного совета, сказать не можем.

⁸⁶ Там же, д. 235, л. 9—10.

⁸⁷ Там же, д. 229, л. 6.

Судя по другому фрагменту наброска, имелось в виду заявить и докладе царю, что такое покровительство компрометирует в глазах англичан русское правительство. Еще один фрагмент гласил: «Кроме того, всеподданнейший доклад по настоящему делу имеет важное значение и для меня лично, так как означенные лица в своих сношениях с синдикатом ссылались также на мой авторитет и на данные будто бы мною обещания».⁸⁸ Что Витте по крайней мере не оказывал делу на известных этапах противодействия — несомненно. Но сведения об этом содержались, надо полагать, в тех документах, которые либо не вошли в сборник, либо отсутствуют в известном нам экземпляре. В меморандуме же Тайлера, который Витте намеревался представить царю, и тем более в тексте доклада ничего не было сказано о нарушениях самим Витте обещаний, как и о его собственных отношениях с Рачковским и Ляшенко.

Насколько нам известно, всеподданнейший доклад так и не состоялся.⁸⁹ Скорее всего причина воздержания Витте связана с двумя донесениями Татищева о результатах его шовых изысканий по этому делу, собственно со вторым из них. Первое было результатом беседы Татищева с Джексоном, подтвердившим, что, приглашая его к участию в синдикате, Захаров, Балинский и Бебутов заявили ему, что в деле «заинтересованы многие высокопоставленные лица в России». Донесение содержало сведения о Зеленко, предположение о его посреднической роли между Балинским и Горемыкиным, а также о том, что «если дело состоялось бы и правительственная концессия была бы дарована, то русские предприниматели выговорили крупное денежное вознаграждение от английского синдиката для себя и для своих патронов».⁹⁰ Все это Витте было и без того хорошо известно.⁹¹ И заведующий канцелярией министра финансов А. И. Путилов по поручению Витте предписал Татищеву «выяснить по возможности обстоятельно и документально имена и степень участия тех „высокопоставленных лиц в России“, которые, как заявил Вам и сэр Джексон, заинтересованы в деле получения концессии на постройку Петербургской круговой дороги». «Если ввиду постоянного пребывания г. Захарова в Париже, — продолжал Путилов, — некоторые сведения могут быть собраны только в этом городе, то г. министр очень просит Вас съездить туда лично, так как ввиду особой секретности его превосходительство не желал бы посвящать в него других лиц. Вместе с тем г. министр пору-

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Его лет среди всеподданнейших докладов министра финансов за 1900—1902 гг. (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 38, л. 180—182; ф. 40, оп. 1, л. 52—54).

⁹⁰ Татищев — Витте, 14 (27) июля 1900 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, л. 235, л. 13.

⁹¹ В записках Валя сведения эти были отражены точнее. О связях Валя с Витте свидетельствует его позднейшая вставка в дневник о его письме Витте в октябре 1900 г. (Записки В. В. фон Валя, л. 18).

чил мне передать Вам, чтобы Вы не особенно стеснялись временем, необходимым для собирания сведений, т. к. в этом деле для него более важны точные и обстоятельно собранные данные, чем быстрота в исполнении поручения».⁹²

Как считал Балинский, эти новые инструкции Татищеву Витте дал после разговора, который они, Балинский и Витте, имели в Париже. Запись этого разговора, сделанную от руки, так как не нашлось «подходящего человека» для перепечатки,⁹³ Балинский послал Горемыкину.

Смысл поручения Витте Татищеву был ясен — добыть документы и опросить Захарова. Но документов не было, и Татищеву пришлось заключить свое второе донесение Витте словами о «нравственном убеждении, вытекающем из подробного и внимательного ознакомления с делом», которое, однако, документально доказать «невозможно за отсутствием в деле писем и бумаг, подобных тем, что были мне сообщены Англо-русским синдикатом».⁹⁴ Зато Захаров оказался неистощим, хоть и сообщил Балинскому, что «весьма недоволен» разговором с Татищевым, который Балинский в утешение Горемыкину назвал «некрасивым и неумелым допросом».⁹⁵ «Я изложу здесь из его рассказа лишь то, что еще не дошло до Вашего сведения и преимущественно касается его личных сношений с бывшим министром внутренних дел Горемыкиным», — писал Татищев Витте 25 сентября (8 октября) 1900 г., превращая устный источник в письменный и давая понять, что он будет отвечать целям заказчика. «В январе 1899 г., — излагал Татищев рассказ Захарова, — Балинский познакомился с Захаровым в Монте-Карло и предложил ему выработанный им проект электрической железной дороги вокруг Петербурга, уверяя, что ему покровительствуют многие влиятельные и высокопоставленные особы в России, при содействии которых можно рассчитывать на получение крупной правительственной гарантии. От Балинского Захаров узнал, что проект этот, представленный министру внутренних дел через петербургского градоначальника, был доложен г. Горемыкиным государю императору и что на нем последовала собственноручная резолюция его величества: „Давно пора бы сделать“, что по высочайшему повелению проект был передан на заключение статс-секретаря Сольского и что последний высказался о нем в самом благоприятном смысле».

⁹² Путилов — Татищеву, 19 июля (ст. ст.) 1900 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 235, л. 15.

⁹³ Балинский — Горемыкину, 12 октября (ст. ст.) 1900 г. — Там же, ф. 1626, оп. 1, д. 389, л. 13—14.

⁹⁴ Татищев — Витте, 25 сентября (8 октября) 1900 г. — Там же, ф. 560, оп. 22, д. 235, л. 19.

⁹⁵ Балинский — Горемыкину, 12 октября (ст. ст.) 1900 г. — Там же, ф. 1626, оп. 1, д. 389, л. 13—14. — Другим утешением Горемыкину должна была служить присланная Балинским статья о Витте в «Libre Parole», которую Балинский считал имеющей для Горемыкина «известный интерес».

Захаров и Джексон вследствие этого отправились в Петербург. Татищев писал далее с явным удовлетворением: «„Надо отдать справедливость Вашему министру, — сказал мне Захаров, — г. Витте не манил нас обещаниями и... прямо объявил нам, что, вполне сочувствуя нашему проекту и признавая его пользу, он ни под каким видом не даст нам испрашиваемой гарантии, так как не считает возможным отягчать новым расходом почти в 8 млн. руб. и без того обремененный государственный бюджет...». Захаров и Джексон тем не менее потратили на изучение проекта через командированного ими инженера около 8 тыс. фунтов стерлингов, а Балинский — якобы 200 тыс. руб. «Я не мог не выразить Захарову моего удивления, — продолжал Татищев, — как он и компаньон его, не говоря уже о Балинском, могли пожертвовать такими суммами ввиду полной безнадежности гарантии, на что он возразил, что надежда получить ее не была ими утрачена, так как им говорили, что проект правится самому государю и что стоит заинтересовать в деле лиц, пользующихся значением и влиянием в правительственной среде, чтобы заставить министра финансов изменить свое решение. „Кого же? Министров?“ — спросил я. — „И выше“, — был ответ Захарова.

Что так именно обнадеживал англичан не только Балинский, но и сам бывший министр внутренних дел, можно заключить из того, что осенью 1899 г. г. Горемыкин, еще будучи министром, посетил в Париже Захарова и вместе с ним и Балинским поехал оттуда в Англию, где три дня прогостил у сэра Джона Джексона в сооружаемом последним по заказу великобританского правительства новом порте на берегу Ла-Манша. В одном вагоне с русским министром и его спутниками из Дувра в Лондон ехал и известный Вам из предшедших моих сообщений Ляшенко. На вопрос Захарова, что это за личность, Балинский таинственно дал понять ему, что это-де „агент Витте“, которому Вы будто бы поручили приискание в Англии капиталов для русских промышленных предприятий. Г. Горемыкин находился еще в Лондоне, когда Балинский, придя к Захарову, настойчиво просил его дать Ляшенко 1000 ф. ст., ибо в противном случае тот грозит „провалить их дело“, написав на них донос министру финансов. Захаров уверял меня, что наотрез отказал в этой просьбе, а когда Ляшенко сам пришел к нему, то поступил с ним, как с заведомым шантажистом, и ударом ноги в зад спустил его с лестницы. На мой прямой вопрос, не обещали ли Захаров и Джексон кому-либо в России денежного вознаграждения в случае получения ими концессии с гарантией, Захаров отвечал: „Мы ничего никому не обещали, предоставив это Балинскому, который лучше нас знает, как ведутся подобного рода дела в России“».

«Изложив вкратце суть пространного рассказа Захарова, — заключал Татищев, — позволяю себе заметить, что, на мой взгляд, из него ясно следует, что если не англичане, то русские учре-

дители, Балинский и два его компаньона, искали заинтересовать в своем предприятии влиятельных и высокопоставленных лиц, при содействии которых надеялись получить концессию и четырехпроцентную гарантию на капитал в 200 млн. руб., и в числе этих лиц был несомненно г. Горемыкин. Предположение это подтверждает и вмешательство в дело пресловутого Ляшенко, который, как вполне установлено документами, доставленными нам сэром Генри Тайлером, подвизался в Англии как доверенное лицо бывшего министра внутренних дел, снабженное рекомендательными письмами г. Горемыкина, что не мешало ему, однако, при случае для отвода глаз выдавать себя и за тайного агента министра финансов». ⁹⁶

В том факте, что Ляшенко был слугой двух господ, ничего чрезвычайного нет. Как мы знаем, в 1897 г. он был пристроен Рачковским на амплуа агента Горемыкина, тайком присматривавшего за Витте, и совершенно естественно, что в 1899 г. ему не обременительно было исполнять такие же обязанности в обратном направлении. Но допесение Татищева, в котором это было написано черным по белому, становилось менее пригодным для дальнейшего изобличения Горемыкина, которое имел в виду Витте. Дело усугублялось и сообщением о нескромности Ляшенко, остававшегося за границей. Конечно, и ответ Захарова на вопрос, кого следовало «заинтересовать» для успеха предприятия Балинского, намекавший на лиц «выше» министров, был для Витте как будто чрезмерным, хотя с лихой в самых высоких сферах ему часто приходилось иметь дело. ⁹⁷ Как бы то ни было, однако, до приезда Ляшенко Витте, насколько нам известно, держал под спудом не только допесения Татищева о беседах с Джексонсом и Захаровым, но и сборник документов об Англо-русском синдикате.

27 апреля 1901 г. Путилов шифром телеграфировал финансовому агенту в Берлине В. И. Тимирязеву предписание Витте выдать Ляшенко 500 руб. на поездку в Петербург. ⁹⁸

По-видимому, договоренность с ним была достигнута немедленно по приезде, да и Сипягин на посту министра внутренних

⁹⁶ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 235, л. 16—19.

⁹⁷ См., в частности, его рассказ о попытке вел. кн. Александра Михайловича завладеть участком нефтеносной земли на Кавказе, записанный Сувориным (Дневник А. С. Суворина, с. 318). Возможно, впрочем, что Захаров имел в виду ген. Гессе, имевшего в это время большое влияние на царя и очень близкого с Горемыкиным (Гессе — Горемыкину, 14 октября и 9 ноября ст. ст. 1899 г. — ЦГИА СССР, ф. 1626, оп. 1, д. 563, л. 7—10). В дневнике Валя находим рассказ о покупке женой Гессе имения с торлов, от участия в которых административным путем были устранены все конкуренты (Записки В. В. фон Валя, л. 65).

⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 229, л. 40. — Витте распорядился внести сумму в ведомость как отпущенную Тимирязеву «на расходы по возложенному на него особому поручению» (И. П. Шипов — М. Д. Дмитриеву, 28 апреля 1901 г. (ст. ст.), отпуск. — Там же, л. 41). Слово «особому» зачеркнуто.

дел, можно полагать, содействовал Витте. Во всяком случае уже 15 мая государственный контролер П. Л. Лобко вернул Витте сборник об Англо-русском синдикате. «Весьма интересная бытовая картинка, рисующая, с одной стороны, наивность так называемых серьезных деловых людей вроде сэра Тайлера, а с другой стороны, нахальство так называемых проводителей дела вроде Ляшенко, с которыми министру не только не подобает иметь доверительных отношений, но даже не следовало пускать к себе на порог, car il y a des noms qui hurlent en se trouvant ensemble («так как есть имена, которые вопиют, находясь рядом»). — Р. Г.)», — писал Лобко.⁹⁹ Витте мог быть доволен: его имя и имя Ляшенко, стоявшие рядом, были зашифрованы, а Горемыкин оказался изобличенным.

Тем временем Балинский, явно пользуясь высоким покровительством, возобновил свои хлопоты. Витте через Татищева обратился к Ротшильду и «другим первоклассным банкирам» за сведениями о «кредитоспособности и серьезности» Джексона, Захарова и фирмы Виккерс. Разумеется, никаких сомнений по этому поводу Татищев сообщить не мог, а Джексон и Захаров, сознавая, вероятно, что их сторонники в Петербурге берут верх, объявили ему, что от требования правительственной гарантии не отказываются, но со своими предложениями пока не обращались, так как для их участия в переговорах «не настало еще время».¹⁰⁰ Было созвано совещание в составе Сольского, Хилкова, Сипягина, военного министра ген. В. В. Сахарова, министров земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова, юстиции — Н. В. Муравьева, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, П. Л. Лобко, С. Ю. Витте и В. К. Плеве.¹⁰¹ Сольский, очевидно, как и ранее, председательствовавший, обратился к Витте с просьбой представить совещанию и для доклада царю копии писем Татищева за май и июнь 1901 г. Витте же, препровождая копии, присовокупил к ним и два известных нам прошлогодних донесения Татищева с результатами опросов Джексона и Захарова. Кроме Сольского он препроводил их Лобко, Хилкову, Победоносцеву и Сипягину.¹⁰²

Сипягину Витте, по его словам, рассказал о заграничной поездке Горемыкина и дал донесение Татищева по этому поводу. Судя по всему, Витте имел в виду то июньское донесение 1900 г., которое содержало оценку истории с Англо-русским синдикатом. Оно действительно отсутствует в деле, содержащем сборник документов об Англо-русском синдикате, как и сопроводительное

⁹⁹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 235, л. 52.

¹⁰⁰ Циглер — Татищеву, 26 мая (ст. ст.) 1901 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 235, л. 22—26; Татищев — Циглеру, 27 мая (9 июня), 31 мая (13 июня), 2 (15) июня 1901 г. — Там же.

¹⁰¹ Состав совещания по рассмотрению проекта инженера Балинского. — Там же, л. 27.

¹⁰² Сольский — Витте, 5 июня (ст. ст.) 1901 г. — Там же, л. 28—30; Витте — Сольскому, 7 июня (ст. ст.) 1901 г. — Там же.

письмо Тайлера к сборнику 8 июня 1900 г. Сипягин просил затем разрешения задержать донесение на несколько недель. После его убийства 2 апреля 1902 г. Витте пытался получить донесение обратно, но узнал, что при разборе бумаг оно попало к директору Департамента полиции С. Э. Зволянскому, который заявил ему, что документ уничтожен.

«Зволянский был интимный друг Горемыкина, — писал Витте, — потому что оба они, и Горемыкин и Зволянский, были ярые поклонники жены генерала Петрова... По причинам, трудно объяснимым, они на этом поприще не только не рассорились, но близость к госпоже Петровой совершенно их между собою связала. Я очень впоследствии жалел о том, что документ этот пропал, ибо если бы он находился в моем распоряжении, то, конечно, я бы положил предел всем тем интригам, которые делал Горемыкин в Совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а в особенности после 1905 г., а также перед 17 октября и после 17 октября».¹⁰³

Слова Витте о том, что убийство Сипягина лишило его могучего документального оружия, были по меньшей мере полуправдой, как и все, что он рассказал в мемуарах об этом эпизоде. Оставшиеся в его руках документальные ресурсы были, как нам известно, очень значительны. И если что и сдерживало его активность в «битве документов», то отнюдь не их недостаток, а сначала интерес, который продолжал проявлять царь к проекту Балинского,¹⁰⁴ а затем вообще «высочайшее» равнодушие к разоблачениям самых отчаянных проделок высокопоставленных лиц.

Что же касается смены министра внутренних дел, то появление на этом посту Плеве дало толчок еще одному туру «битвы документов». Если при Сипягине Ляшенко отважился, и то через пять месяцев после приезда, лишь на письмо к Горемыкину с просьбой о приеме для оправданий,¹⁰⁵ то вскоре после назначения Плеве он перешел в наступление против Рачковского с помощью готового сборника его писем. По словам Ляшенко, он «три года должен был сидеть молча», пока ему «не удалось вырвать» все свои бумаги и «установить по документам всю правду», «целый год неустанного труда» понадобился ему для приведения в порядок дел и архива. В результате Ляшенко составил описание знакомства с Рачковским и приложил копии «всех» полученных от него писем.

Внезапное исчезновение во время действий Англо-русского синдиката он объяснял своим «разорением» в деловых связях с кн. Белосельским вследствие интриг Рачковского, который,

¹⁰³ Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 171—172.

¹⁰⁴ Витте пришлось летом 1902 г. просить у царя аудиенции Балинского, которая была дана. Плеве одобрил проект, и по докладу Витте царь выразил намерение ознакомиться с ним поздней осенью 1902 г. (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 235, л. 40—45).

¹⁰⁵ Ляшенко — Горемыкину, 11 октября 1901 г. — ЦГИА СССР, ф. 1628, оп. 1, д. 1143, л. 6.

узнав от приехавшего в Париж в конце февраля 1900 г. Белосельского, что Витте больше не нуждается в услугах Ляшенко, решил сам его заманить.

«Ты знал, что в силу моих настоятельных заверений, — писал Ляшенко Рачковскому, — совершилось уже примирение между Витте и Белосельским, и ты в ту критическую минуту для всей моей жизни предпочел ценой подлости закрепить твою дружбу с Белосельским и всем его родом и чрез них войти в силу у С. Ю. Витте, который один тогда ценил тебя по заслугам <...> Из твоего плана вышло — ничего. Даже после того, когда ты с таким хладнокровием продал Витте лучшего, честного, идеального человека, как Иван Логгинович Горемыкин, и то много времени Белосельскому пришлось просить Витте, чтобы он принял тебя в декабре месяце истекшего года. Результат этого разговора, как ты сам знаешь, не отвечал твоим интересам... и твоему честолюбию...»¹⁰⁶ (Горемыкин, разумеется, получил письмо Рачковскому в копии). Цель всей затеи Ляшенко заключалась в шапталже, к которому он до сих пор якобы не прибегал, «имея все данные в руках» («Ты искал Витте!! А мне довольно было представить одно только твое письмо, и при дружбе С. Ю. с Свиягиным ты пережил бы плохую четверть часа»). Теперь он угрожал Рачковскому в случае, если на завтра тот не явится для переговоров, рассылкой сборника документов и приходом своих «друзей» к Плеве.

Сборника этого в нашем распоряжении нет. Мы располагаем лишь тем его описанием, которым Ляшенко сопровождал свои угрозы. «Эти документы свидетельствуют, — писал Ляшенко, — что я спас Белосельского, что все твои речи царю и другим о финансах были основаны на моих словах, что многие твои поступки были совершены на основании моих сведений, поступки, давшие тебе такую славу, что ты хотел держать всех в руках и потому над всеми править. Между перлами в этом описании значится и факт, что Вячеслав Константинович Плеве украл 85 000 руб. из сумм Департамента полиции во время своего директорства, и к этому описанию приведена твоя просьба узнать, в каком бапке хранятся эти деньги. „Эта справка очень нам нужна, — пишешь ты, — ибо такого гуся с такими „убеждениями“ надо держать в руках“. Это описание я разошлю всем, кому оно интересно, а Вячеславу Константиновичу, до которого доступ хоть завтра буду иметь, я доложу устно <...> Твой Гартинг, твой Гольшман!!!!... Сколько интересного узнает Вячеслав Константинович от меня, сколько пользы истинной принесу я ему!!...»¹⁰⁷

Из этого можно заключить, что Ляшенко оперировал не теми письмами Рачковского, которые были представлены Плеве царю

¹⁰⁶ Ляшенко — Рачковскому, 20 мая (ст. ст.) 1902 г. — Там же, л. 7—9; Ляшенко — Горемыкину, не ранее 20 мая (ст. ст.) 1902 г. — Там же.

¹⁰⁷ Ляшенко — Рачковскому, 20 мая (ст. ст.) 1902 г. — Там же, л. 8.

в 1903 г. Удался ли шантаж Ляшенко, или сборник попал к Плеве и другим заинтересованным лицам, сыграл ли он в этом случае роль в последовавшей в конце 1902 г. отставке Рачковского, мы не знаем. Ясно лишь, почему Плеве, если сборник 1902 г. (назовем его так в отличие от известного нам сборника 1903 г.) попал в его руки, для представления царю предпочел другой.

Остается сказать о судьбе участников всей этой истории — персонажей документальных сборников и их составителей (иногда, как Ляшенко, выступавших и в той и в другой роли). Ляшенко был единственным из них, так и не воспринявшим. Балинский, продолжая сотрудничество с английскими фабрикантами оружия, стал крупным предпринимателем. Рачковскому ничто не могло повредить.¹⁰⁸ В феврале 1905 г. Трепов добился назначения его чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел с возложением на него руководства деятельностью Петроградского охранного отделения. А в июле он был по представлению Трепова назначен на специально для него учрежденный пост управляющего теми частями Департамента полиции, которые ведали политическими делами, на правах директора департамента.¹⁰⁹ И, лишь когда в ноябре он выступил

¹⁰⁸ И менее всего это могли сделать документы сборника 1903 г., вторично представленного царю тем самым П. Н. Дурново, который в бытность директором Департамента полиции прославился как герой скандала, вызванного неловкостью агентов, следивших по поручению директора за дамой его сердца. Валь добавил, что она и содержалась на средства департамента, «считаясь политическим агентом, и ежегодно командировалась за границу, па что выдавались ей весьма значительные суммы, которыми пользовался и сам П. Н. Дурново, отправлявшийся вслед за ней за границу, где путешествовал вместе с нею, оставляя законную жену и детей в Петербурге». «Такие поступки начальника, — продолжал Валь, — вызывали подражание со стороны его подчиненных, вице-директора Зволянского и начальника отделения Семякина, также пользовавшихся значительными подачками из этих сумм и входивших, кроме того, в сделки с нашими главными агентами за границей относительно взноса последними некоторого процента с отпускаемых им сумм в пользу поименованных чинов департамента» (Записки В. В. фон Валя, л. 44).

¹⁰⁹ «Фигура Рачковского стоит несомненно в центре не только контрреволюции 1905 г., но и всей реакции этого периода, — писал в 1917 г. осведомленный журналист Е. Семенов, публикуя письма агентов Рачковского своему патрону. — Азеф и азефовщина — его детище. Трепов без него ничего не предпринимает... Ему докладывают о передвижениях и перемещениях царской семьи. Он обо всем знает, во все входит. Даже „знатные иностранцы“ спешат к нему на поклон, кроме, впрочем, англичан, которых он не любит, предпочитая добрый, „надежный“ для режима союз с Германией» (Семенов Е. Контрреволюция 1905 г. и внешняя политика. — Свобода в борьбе, 1917, № 1, с. 2).

Для неприязни к английскому деловому миру у Рачковского были хорошо нам известные основания. А в Париже он с помощью своей агентуры делал все, чтобы преодолеть неблагоприятные для русского кредита последствия 9 января 1905 г. Надо было помочь французским министрам и банкирам, которые ничуть не изменили своего расположения к царизму, преодолеть общественное негодование по поводу «Кровавого воскресенья». Как писал Рачковскому его агент Матушевский 4 февраля 1905 г., французская

с собственной программой карательных действий в общероссийском масштабе, требуя в сущности отмены манифеста 17 октября, он был перемещен на пост состоящего при Трепове, теперь дворцовом коменданте, «для исполнения ответственных поручений в области высшей политики». Резолюция Николая II о перемещении Рачковского гласила: «Согласен, но сожалею. Рачковскому назначить в награду 75 тыс. руб. из секретных сумм Департамента полиции и представить к ордену Станислава I степени».¹¹⁰ В новом качестве Рачковский в декабре 1905 г. руководил арестами участников вооруженного восстания в Москве. А после того как Горемыкин в 1906 г. возглавил Совет министров, он стал ближайшим его сотрудником и даже жил в его доме.¹¹¹ В это время он был советником и вдохновителем А. И. Дубровина, основателя Союза русского народа, при организации которого использовался опыт «Святой дружины» и «Лиги спасения России».¹¹² Вторично Рачковский вышел в отставку при Столыпине.

Для Витте история с привлечением английского капитала была лишь эпизодом в борьбе, которую он вел как с Горемыкиным, так и с Плеве. Татищев легко перешел от Витте к Плеве и с назначением Плеве министром внутренних дел стал берлинским агентом этого ведомства. Плеве ценил его. Вспоминая

правительство было готово содействовать займу негласно. Замысел состоял здесь в том, чтобы посредством созданной с участием агентуры Рачковского голландской финансовой группы придать займу такую форму, будто «французское правительство официально не причем». «Они Вам будут благодарны, потому что Вы их вытянете из затруднительного положения ... поймет и господин Коковцов, что его по-настоящему выручили Вы», — обещал Рачковскому Матушевский (Семенов Е. Указ. соч., с. 3—4).

Однако никаких сведений о роли Рачковского в заключении займа, состоявшемся, как известно, в 1906 г., Е. Семенов не привел, сообщив, кстати, что, когда кадетские представители с полученным ими через него рекомендательным письмом Апатоля Франса пришли к министру финансов Р. Пуанкаре с возражениями против займа, тот, в частности, спросил, согласились ли бы они официально выступить против займа от имени своей партии. Если со стороны Пуанкаре это была разведка для успешного проведения займа, то она удалась, потому что его собеседники ответили отказом (ср.: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897—1914. Л., 1970, с. 180).

В подтверждение своих слов о том, что Рачковский играл видную роль и в дипломатических делах, Е. Семенов приводит письмо «одного из видных интеллигентных агентов Рачковского» Б. Юзефовича патрону из Парижа 7 (20) октября 1905 г. Это был отчет об отрицательном результате предпринятого по поручению Рачковского зондажа в окружении президента Франции по поводу невероятной возможности согласия Парижа на включение Германии в русско-французский союз (Семенов Е. Контрреволюция 1905 г. и внешняя политика. — Свобода в борьбе, 1917, № 2, с. 6—7). Рачковский, очевидно, пытался угодить Николаю попыткой спасти противоречивший условиям русско-французского союза русско-германский договор в Бьерке, который напуганный революцией царь заключил с Вильгельмом без ведома своих министров.

¹¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1905 г., д. 717, л. 80.

¹¹¹ *Витте С. Ю.* Указ. соч., т. 2, с. 170.

¹¹² Русское слово, 1913, 12 ноября; Вечернее время, 1913, 6 ноября.

о составленном им в 80-х гг. обзоре революционного движения, он сказал Н. К. Михайловскому: «Талантливый он человек, и не в Департаменте бы полиции ему служить».¹¹³ Впрочем, однажды царь «жестоко обошелся» с Плеве, когда Витте пожаловался, что Татищев своей болтливостью помешал ему заключить выгодный договор.¹¹⁴ Что же касается Горемыкина, то из всех сановников империи он сделал самую блестящую карьеру, дважды побывав на посту председателя Совета министров, несмотря на прозвище «его высокобездразличие», его собственные признания, что он «вынут из нафталина», и т. п. При этом равнодушный ко всему, кроме самодержавного принципа, он вовсе не отвечал безусловной преданностью на доверие Николая II. «Помните одно: никогда ему не верьте, это самый фальшивый человек, какой есть на свете», — внушал он П. Д. Святополк-Мирскому еще до первого своего премьерства.¹¹⁵

Б. М. ВИТЕНБЕРГ

К ИСТОРИИ ЛИЧНОГО АРХИВА С. Ю. ВИТТЕ

За последние десятилетия советскими историками опубликован ряд исследований, посвященных изучению «Воспоминаний» С. Ю. Витте и материалов его личного фонда, хранящегося ныне в ЦГИА СССР.¹ Благодаря этим работам стало возможным, в частности, по достоинству оценить особую роль личного архива Витте как «документальной базы» и мемуаров, и его активной публицистической деятельности после отставки с поста председателя Совета министров в 1906 г.² История личного архива Витте (как известно, после смерти владельца он был опечатан, а затем вывезен из его петроградского особняка на Каменноостровском проспекте) представляет поэтому значительный интерес.

¹¹³ *Тарле Е. В.* Донесения из Берлина С. С. Татищева В. К. Плеве. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1926, т. 4 (17), с. 187.

¹¹⁴ Дневник А. С. Суворина, с. 311.

¹¹⁵ Дневник кнг. Е. А. Святополк-Мирской, с. 249.

¹ *Сидоров А. Л.* 1) Граф С. Ю. Витте и его «Воспоминания». — В кн.: Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 1, с. III—LXX; 2) К вопросу о характере текста и источников «Воспоминаний» С. Ю. Витте. — В кн.: Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970, с. 187—215; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте: (В связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963, с. 298—374; *Ткаченко М. А.* Фонд С. Ю. Витте в ЦГИА СССР и задачи критики «Воспоминаний» С. Ю. Витте. — В кн.: Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977, с. 186—197; *Ананьич Б. В.* О рукописях и тексте мемуаров С. Ю. Витте. — В кн.: ВИД. Л., 1981, XII, с. 188—204.

² См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Указ. соч., с. 306—373.